

Всего через несколько дней в октябре у Шэнь Чэньсюя был день рождения. В свой 18-й день рождения молодой господин отпраздновал его так, как будто это был важнейший золотой юбилей*. Он потратил деньги и забронировал самый большой и роскошный лаунж KTV, куда пригласил своих непокорных друзей. Вэй Яо развлекался с кем-то в позолоченной уборной. Чжу Жань вместе с двумя другими хотели испортить им настроение, безумно стуча в дверь, хихикая и крича, чтобы они открыли дверь.

Посреди безумного хаоса дверь в комнату снова распахнулась.

— Который внук* опоздал! Надо выпить чашу в наказание... — закричал кто-то.

*□□ (букв. внук) - используется здесь метафорически. Называя кого-то своим внуком, вы занимаете более высокое положение по возрасту и статусу, поэтому говорящий в некотором роде поставил другого человека на более низкое положение в шутку, чтобы заставить его выпить немного алкоголя.

В следующую секунду его голос оборвался. Все взгляды собрались у двери, где девушка стояла напротив проникающего света, встречаясь с пятью похотливыми взглядами. Она посмотрела на всех, прежде чем в конечном итоге остановилась на Чжу Жане.

Этот человек был не внуком, а их предком.

— О! Моя подруга детства! Чу Нянь. — пьяные глаза Шэнь Чэньсюя на мгновение прояснились. Он вскочил с дивана, потянув ее за руку. — Первый курс. Она только что поступила в наш университет. Позаботьтесь о ней, все вы.

— О, о, о... маленькая сюэмэй*. — сказал кто-то.

*□□ - младшая по ученичеству.

Чжу Жань отошел от уборной, бросился на диван и толкнул локтем Чжэнь Чэньсюя с ухмылкой:

— Твоя подруга детства?

— Нет. — на этот раз девушка ответила, избалованность в ее голосе намекала на то, что у нее обеспеченная семья. — Я отец Шэнь Чэньсюя.

Услышав это, Чжу Жань упал на диван в порывах смеха, хлопая в ладоши, как будто не мог найти ничего более веселого. Эта реакция заставила Шэнь Чэньсюя тоже рассмеяться, но он все еще притворялся суровым.

— Малыш, не забегай слишком вперед.

Чу Нянь проигнорировала его. Её интерес к Шэнь Чэньсюю и всем остальным полностью отсутствовал. Она просто тихо сидела рядом с Чжу Жанем.

Чжу Жань не выпрямился, его кроссовки упали на землю, когда он лениво взглянул на нее, услышав, как она зовет его:

— Чжу Жань, ты все еще помнишь меня?

С удивлением в глазах он на мгновение встретился с ней взглядом, подтверждая, что он не помнил ее... этот взгляд говорил ей об этом.

— Хорошо. — тяжело вздохнула Чу Нянь, плечи поднимались и опускались вместе с ним, как будто она ожидала такого ответа. Этот вздох казался слишком нарочитым. — Тогда я скажу прямо.

Чжу Жань поднял подбородок.

Девушка перед ним была прекрасна, выглядела хрупкой, но в то же время пылкой. Это был так называемый тип «красивого цветка», для которой можно было производить только качественные «удобрения». Чжу Нянь рассмеялась:

— Можешь ли ты снова дать мне контакт Чжун Юань-сюэчжана? Ты ведь знаком с сюэчжаном, верно?

Раздался смех и восторженные возгласы. Она не называла Чжу Жаня «сюэчжаном», но называла Чжун Юаня. Рядом с ним Шэнь Чэньсюй, который играл в морру и пил, уловил обрывки их разговора и в шоке повернул голову.

— А? Когда вы с Чжун Юанем познакомились?

— Пей алкоголь. — Чжу Жань выпрямился, положив руку на половину лица, и с силой повернул его лицо обратно. Затем он снова повернулся к Чу Няню, которая была полна предвкушения, она улыбалась.

— Мхм. — это, конечно, было очень хорошо. Он вытащил свой телефон, подсветив экран одним движением пальца, и протянул его этой симпатичной, хрупкой, похожей на фарфор девушке. Конечно, лучше всего, если бы ваш фальшивый любовник не был связан никакими обязательствами. — Конечно.

Даже когда она записывала контакт Чжун Юаня, Чжу Жань все еще не мог вспомнить, кто она такая. Но Вэй Яо, казалось, закончил на своей стороне. За ним шел человек с пылающим лицом. Это был парень.

Наконец, было что-то, что отвлекло взгляд Чу Няня. Чжу Жань проследил за ее взглядом.

— Никогда раньше с этим не сталкивалась?

— Сталкивалась. — Чу Нянь вернула ему телефон.

Чжу Жань ухмыльнулся, молча покачав головой. Не в силах терпеть его ленивое поведение, Вэй Яо потянул его к себе, чтобы спеть с ним вдвоем. Но прежде чем он успел сунуть микрофон в руку Чжу Жаня, его сильно ударили.

Человек на диване даже не удосужился закатить глаза, просто выругался:

— Ты только что занимался сексом и хочешь, блядь, петь? Хочешь провести «Тридцать шесть уловок занятий любовью»?

Группа разразилась хихиканьем. Вэй Яо ответил «отвали». От секса у него закружилась голова, только теперь, краем глаза, он наконец увидел незнакомое, симпатичное лицо рядом с Чжу Жанем. Он добавил тогда, что для защиты девушек он будет держать свой рот в чистоте.

Только тогда Чжу Жань взял микрофон, вскочил с дивана и презрительно повернул голову:

— Пожалуйста, не надо. Твоим неотесанным устам лучше не произносить слово «чистый».

Но когда все шутки закончились, в тот момент, когда Чжу Жань открыл рот, KTV превратился в ночной клуб.

Он пел старую песню столетней давности. Его первая строчка вызвала поток страсти, не похожей на потерянную любовь, а на страсть медового месяца*. Все прекрасно понимали, что люди сходят с ума в таком месте только для того, чтобы атмосфера не стала тихой. И так, с микрофоном в руке, Чжу Жань танцевал, раскачиваясь так, что у одного из них кружилась голова. Но его руки и лицо все больше тускнели в темноте.

*□□□□□— «Потерянная/Разбитая любовь» группы Cantopop, Grasshopper.

Вэй Яо толкнул Шэнь Чэньсюя локтем, вздохнув со своим ограниченным словарным запасом.

— Чжу Жань покачивает бедрами... даже красивее, чем девушки.

Шэнь Чэньсюй рассмеялся.

— Ты хочешь, чтобы он тебя избил?

— Он очень хорош. — присоединилась Чу Нянь.

В свои шестнадцать лет она научилась многим танцам. Балет. Латиноамериканские танцы. Ча-ча-ча. Даже когда она сидела на диване, она была маленьким белым лебедем на сцене, у которого были большие ожидания. Услышав такую похвалу от неё, Шэнь Чэньсюй, естественно, был поражен.

— И так, Чжу Жань танцует очень хорошо.

«Ты та, кто любит его так сильно, что только он имеет место в твоём сердце, но он был слишком высокомерен...»

С той стороны, он внимательно пел, и серьги с заклепками сверкали у него в ушах. Восторг исходил даже от его прядей волос, а розы, казалось, были посажены на его танцующие пальцы. Они расцветали с каждым слогом в его голосе, которые он невольно и бессердечно бросал в воздух... последние строчки бесстрастно приземлились на лицо Чу Няня.

Рядом с Шэнь Чэньсюем, черные глаза Чу Няня расширились. Шатенка и в белом платье, она сияла в свете экрана.

Чжу Жань наконец вспомнил, кто она такая. Это заставило его на мгновение замереть.

Во время летних каникул он и Чжун Юань принимали много постоянных клиентов японского ресторана, в котором они работали, и Чу Нянь была одной из них. В тот день девушка схватила его за руку и спросила, подняв голову:

— Не могли бы вы дать мне контакт этого парня?

Чжу Жань поднял бровь, глядя на Чжун Юаня, который отошел на несколько шагов, прежде чем великодушно кивнуть. Если бы она пришла спросить снова, естественно, он все равно дал бы ей контакт Чжун-гэгэ.

После этого она, вероятно, пришла снова, но Чжун Юань, вероятно, удалил ее из друзей сразу после добавления... или, возможно, Чжун Юань полностью проигнорировал ее просьбу о добавлении в друзья.

Кто бы мог ожидать, что она не только подруга детства Шэнь Чэньсюя, но и станет первокурсницей в их университете?

В половине десятого ночи они, наконец, освободились из этого золотого ослепительного места для изменности. Чжу Жань поехал домой на велосипеде и перед лестницей столкнулся с человеком, которым интересовалась их маленькая сюзэмэй.

Чжун Юань сидел на ступеньках, расставив длинные ноги. Несколько лампочек из ветхих зданий погасли, оставив только пару в качестве освещения для долгой ночи.

— Что ты делаешь? — Чжу Жань наклонился, чтобы увидеть его глаза. — Ждешь меня?

Чжу Жань не мог оставаться на месте и часто выходил на улицу, но, беспокоясь, что Чжун Юань случайно побеспокоит его мать, когда он будет рядом, он отдал ему свой запасной ключ после некоторого раздумья. Его ненадежный отец все равно круглый год играл либо в маджонг, либо отдыхал в бане, а дома оставался только раз в месяц. Обычно это происходило в конце месяца. Полный праведности, он возвращался только для того, чтобы придрататься к Чжу Жань.

Нахмутив брови, Чжун Юань избегал удушающего запаха табака и алкоголя.

— Твой отец вернулся.

Теперь Чжу Жань нахмурил брови.

В ту ночь Чжу Жань убежал от своего отца, который гнался за ним с метлой по всему двору, превратив двор в полный хаос. Постепенно включался свет, а вместе с ним раздавались гневные крики. Так поздно, неужели ты призывал всех предков!

Но затем голоса были заглушены.

— Я отправил тебя учиться, чтобы ты сдал чистые листы ответов... Разве ты не можешь заставить меня меньше волноваться... Учись как следует...

— К черту твою учебу! Когда ты занимался сексом с моей мамой будучи подростком, почему ты не подумал о том, сколько священных книг тебе предстоит прочитать!

Чжу Жань чувствовал, что все его непослушные гены были наполовину унаследованы от отца. В юности его отец был местным хулиганом. Кроме его привлекательной внешности, у него не было ничего другого. Он сошелся с его матерью в очень юном возрасте, и мать родила его, когда ей было всего семнадцать или восемнадцать лет. Говоря об этом, его мама, казалось, умерла так рано. Как грустно.

Было замечено, что люди прислушиваются, так что свет медленно погас, и весь двор затих.

Чжун Юань сидел за своим столом с зажженной лампой, наблюдая за этим ночным шоу через занавески, думая, что завтра это станет главной новостью этого здания. То, что было беспричинным шумом в нормальной семье, было его повседневной жизнью и жизнью Чжу Жана.

Он закрыл книгу, медленно повернув выключатель лампы, чтобы он погас.

*

Их классный руководитель спонтанно позвонил отцу, сообщив ему о его пустых результатах на последних нескольких еженедельных тестах и косвенно выразился, что он уже учится на третьем курсе и поэтому советует отцу подумать о своем будущем и университете. Таким образом, этот внезапный визит и произошел.

Чжу Жань получил два удара метлой. Они не причиняли особой боли, но непонятный туман застрял у него в горле, заставляя его задыхаться. Он мог только пытаться пробраться на крышу в темноте.

Дверь со скрипом открылась, и Чжу Жань сделал шаг к свету, прежде чем его запястье было схвачено ледяными пальцами.

Он дрожал, инстинктивно собираясь нанести удар, но его тело было более бодрым, чем разум, он сначала остановился, чтобы остановиться и успокоиться.

— Это ты. — он поднял голову и взглянул на него, изогнув брови. — Нужно что-нибудь?

Чжун Юань ничего не говорил, только запихнул в рот квадратную конфету. Кончик языка Чжу Жаня почувствовал сладкий вкус, веки подпрыгнули, даже когда он резко отступил:

— Что? Ты накормил меня афродизиаком?

Кто-то забыл взять с собой простыни. На ветру слабая тень трепетала, как крылья синей птицы, но и казалась океанской волной, когда она обрушивалась на скалы, превращая ночь в темно-серый цвет.

Он осветил их глаза, прежде чем они снова скрылись в тени.

Ночь была серой, но конфеты были сладкими. Чжун Юань опустил голову. Безудержный смех Чжу Жаня заставил Чжун Юаня подойти ближе. Их губы были немного сухими, когда они прижались друг к другу. Они не стали углублять этот поцелуй, как лепестки, потерявшие влагу, последний акт близости перед увяданием.

— Нет, а теперь да.

Чжу Жань вздрогнул, и сладость распространилась по его языку.

Сладкий. Действительно чертовски сладко.

— Сдай еженедельные тесты один раз. — Чжун Юань оставил только одно предложение и повернулся, упираясь пальцами в потолочную дверь. — Ладно?

<http://bllate.org/book/14300/1266008>